

НИКОЛАЙ
БАСОВ

**МАГИЯ
НА КРОВИ**

Сага о Троне Возрожденном

Николай Владленович Басов
Возвращение
Серия «Трол Возрожденный», книга 1

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131375

Аннотация

От издателя

Проведя своего ученика Трола через смерть и воскрешение с помощью магического обряда, маг и мастер боя Султунур пробуждает в нем дух легендарного охотника на демонов Лотара Желтоголового. Иметь в своих рядах такого воина – единственный шанс Белого Ордена противостоять колдунам Империи, захватывающей все новые и новые земли. Однако имперцы успевают первыми нанести удар. Защищая Трода, учитель гибнет, и мальчик остается один на один с могущественными врагами. Кадот, столица Зимногорья, обещавший стать временным укрытием, превращается для Трола в настоящее поле боя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Басов

Возвращение

Глава 1

Он смотрел на этот мир с трудом. Он – крохотный комочек теплого духа, вокруг которого простирается огромный храм ледяной плоти. Ему предстояло вернуться к жизни.

Будь у него больше сил, он бы попытался осмотреться, хотя обзор вышел бы странным: из тела, словно из-под огромной толщи воды. Иначе как бы он увидел все эти переплетения сосудов, глыбы мускулов, тяжелые айсберги костей, полупрозрачный дворец легких, в стенах которого медленно и вяло пульсировала его холодная кровь? Но сил на пустое рассматривание нет – приходится разгонять сердце. А оно такое огромное и сложное!

Неожиданно пришел звук. Треск горящего дерева, рев пламени и чьи-то хриплые крики. Он слышал, слышал...

Оказывается, он лежит на огромном камне, вокруг которого горят четыре костра. Это его совсем не удивляет, словно он ожидал этого или чего-то похожего. У него, разумеется, открыты глаза... Столбы ледяного пламени рвутся в темное, бездонное небо, клубы дыма, освещенные этим пламенем, круто уходят вверх.

Оказывается, на небе есть звезды. Их много, и своим холодом они ужасают его... По телу, наконец-то заполненному душой, чудной, а может, просто незнакомой и непривычной, прокатывается медленная дрожь.

«Почему даже огонь не согревает? Что произошло, откуда все это?» – медленно думает он. И тогда начинает понимать, что гораздо важнее другое – что происходит. Неожиданно он становится больше своего тела и мигом обретает способность воспринимать происходящее за стеной пламени. Там танцует человек с сильным телом и быстрыми движениями.

Это сложный и опасный танец, вызывающий могущественные силы жизни. Пожалуй, у танцора слишком узкие глаза, никак не удастся понять, что скрыто в них. Он танцует давно, его набедренная повязка потемнела, а тело блестит от пота как полированное...

Теперь дрожь жестоко треплет лежащее тело. Кажется, камень отнимает тепло, хотя от костров глыба должна быть раскалена, как сковорода.

Внезапно обрушиваются запахи горящего дерева, оглушающие ароматы каких-то трав, которые человек с восточным лицом бросает в огонь... Откуда он знает, что где-то там, далеко, существует Восток?.. Каким-то образом, не поворачивая глаз в глазницах, он может видеть, что трава горит чересчур душистым, дымным пламенем. Это необычная трава, в ней чувствуется присутствие чего-то, противного жизни, может быть, магии? Откуда он знает о магии?

Проходит много времени, и, лишь когда костры прогорают и дымы от них становятся серыми и невесомыми, он вдруг начинает согреваться. Вернее, теплеет мир вокруг него. Даже камень становится теплым.

Он снова ничего не видит, но теперь его тело и душа слиты воедино. Танцор, кажется, упал на траву, выбившись из сил, но позволил себе упасть, лишь когда стало ясно, что сердце того тела, что покоилось на камне, уже не остановится. Он начинает понимать, что и его вот-вот сморит усталость...

Он просыпается, когда танцор касается его. Этот человек сильнее, чем показался сначала. Восточник защитился от жара, все еще веющего от тела, вновь обретенного не знакомой никому душой, толстым кожаным лоскутом. Когда-то эта шкура одевала зверя с сильными мускулами. Вероятно, из нее можно было сделать щит для пехотинца или фартук для

лучника, но для раскаленного тела, снятого с камня, она не годится. Шипит и прогорает насквозь.

Танцор приносит медный кувшинчик с водой и травы в больших и маленьких полотняных мешочках. Он растирает травы в сухих ладонях и сыпает травяную муку в воду. Намешав не менее дюжины разных трав, танцор взбивает этот холодный чай желтой метелочкой из тонких прутиков, бросает в кувшин раскаленный камешек, и мигом вскипевшая вода разливает вокруг одуряющий запах горячей пыли на дороге... А затем танцор брызгает полученной смесью на него.

Капли как бы зависают в воздухе, на миг становясь не больше частичек дыма... Когда капли падают, он едва не кричит от боли, потому что они оказываются огромными и жутко холодными... Они сразу же испаряются, и над его телом поднимается облако болезненного, охлаждающего, омерзительного пара. Танцор брызгает снова и снова, и пар валит клубами.

Восточник переворачивает его на бок, потом на другой, брызгая все больше, громко смеясь. И каким-то образом он понимает, что этот танцор очень часто будет делать ему невыносимо больно, но каждый раз станет вот так же смеяться, и это научит его тоже смеяться над болью... Или над жизнью, к которой его вызвали, в которую он так внезапно пришел... Для которой вдруг проснулся.

Наконец восточник отставляет пустой кувшин в сторону. Снова накинув шкуру, относит бессильное тело в холодную пещеру и засыпает ворохом листьев, которые тут же начинают тихонько тлеть.

Время льется бесшумно. Когда танцор появляется вновь, листья лишь слегка курятся. Незнакомое тело явно радо присутствию другого человека. Хотя душа еще никак не реагирует... Определенно ей требуется больше времени, чем телу.

Танцор прикасается ладонью к его щеке и снова улыбается, на этот раз иначе – не так, как когда делал больно. А может быть, им было больно обоим... Только он замирает от холода, а у восточника кожа твердеет от жара. Их глаза встречаются, и восточник спрашивает:

– Ты можешь говорить?

Этот язык он знает. По крайней мере понимает слова, их смысл. И улавливает их вкус, который радует душу, оживляет ее, рождает желание услышать что-то еще, помимо этих слов.

– Ты забыл дасский? – снова спрашивает танцор. – Ты не понимаешь меня?

Собравшись с силами, он разжимает губы:

– Кто я?

Слова даются нелегко. К тому же голос его звучит не громче комариного зуденья, а губы и язык остаются неподвижными, как тот камень, на котором он лежал, согреваемый четырьмя гигантскими кострами. К тому же это слова языка Фо, такого древнего, что он сам удивляется их звучанию.

– Знаешь, – танцор доверительно наклоняется, – это язык заклинаний. А здесь пользуются дасским. Или дериб.

– Кто я? – он пытается говорить на дериб.

– Молодец, – хвалит танцор. – Ты – мой ученик. А я твой Учитель.

– Почему я ничего не помню?

Учитель некоторое время молчит.

– Тебе придется поверить мне, хотя то, что я скажу, мальчик, не будет всей правдой. – Видно, что он не умеет лгать. – Будем считать, что я опробовал очень редкий способ обучения – хотел вызвать память предков... И ошибся. Сейчас не важно, в чем именно, важно другое – ты умер.

– Умер?

Чувствует он себя, конечно, не очень хорошо, но зомби, наверное, должны были бы ощущать себя еще хуже.

– Мне пришлось тебя оживлять. Это потребовало времени и сил.

– Это удалось тебе, Учитель.

– Будем считать, что я преподал тебе урок возвращения к жизни. – И Учитель улыбается. Не как от боли.

Мальчик хочет еще о многом узнать, но усталость оказывается сильнее любопытства.

Глава 2

Через неделю он научился пить бульон из той дичи, которую Учитель приносил с охоты. Больше всего ему понравился вкус дикого кролика, хотя Учитель готовил его с большой осторожностью – по восточной системе, согласно которой он восстанавливался, кролик относился к неблагоприятным кушаньям. Как бы там ни было, он быстро оживал и радовался всему на свете.

Оказалось, они с Учителем жили в пещере, выходящей на небольшую – ярдов тридцать в диаметре – площадку, круто обрывающуюся с трех сторон. Под ней, на глубине доброй сотни футов, по склонам речной долины росли высокие и разлапистые голубые ели. На площадку, прижимающуюся к отвесной горной стене, вела узкая, не шире фута, тропа. Она была хорошо утоптана, но так извилиста, что не всякий мог пройти по ней. К тому же она хорошо простреливалась. Один решительно настроенный лучник мог удерживать здесь отряд любой численности, разумеется, пока у него оставались стрелы.

Через две недели ученик начал ходить, а через месяц Учитель разбудил его однажды ранним утром, когда солнце еще не освещало облака над горами и вересковыми пустошами. Голос у него был суховатый и очень тихий:

– Теперь ты каждый день будешь вставать вместе со мной. Пошли.

Они сбегали к речке и прыгнули в воду. Сначала он задохнулся – так холодна оказалась горная вода. Но спустя несколько минут ее прохлада стала даже нравиться. А может быть, он вообще неправильно воспринимал тепло и холод, потому что еще помнил раскаленный камень.

Они позавтракали стеблями какой-то высушенной травы. Он попросил дичи или хотя бы хлеба, но Учитель ответил:

– Тебе предстоит стать воином. Поэтому дичи ты сейчас не получишь. – И добавил, усмехаясь: – Считаю это первой трудностью, которую тебе предстоит преодолеть.

Не объясняя, почему воинское обучение должно проводиться на голодный желудок, Учитель встал, вышел на край площадки перед их пещерой и сел в начальную позу для медитации. Почти сразу его восточное лицо стало безжизненным, и он невыразительным голосом приказал:

– Садись рядом, как и я. Успокойся духом, вдыхай жизнь... Ты должен постигнуть, что воина невозможно заставить беспокоиться или чего-либо хотеть. Все, что ему не нравится, лишь обостряет его восприимчивость и решительность. Запомни это, иначе ты не выживешь... Ты все равно не выживешь, но если с самого начала не будешь думать правильно, мальчик, то умрешь слишком скоро, даже по меркам этого мира.

Первые месяцы учения показались адом. Они были до того страшны, что иногда ему начинало казаться: он опять лишился памяти, только теперь не может вспомнить не то, что было вчера, а то, что происходило час или даже минуту назад... Боль, страх, холод, голод, постоянное ожидание чего-то еще более страшного, чем он только что испытал... И всегда над ним висело ледяное, бесстрастное лицо Учителя.

Через полгода его начала удивлять способность Учителя осознавать самые сложные состояния, которые возникали в душе и теле ученика во время тренировок. Учитель, без труда и ни разу не ошибившись, подводил его к пределу возможностей, но никогда не переступал этот порог, чтобы у мальчика даже на миг не возникло ощущение, что он не может чего-то сделать, чтобы его боевой дух не ослаб ни на секунду.

Через два года он стал получать от учения удовольствие, и у него вдруг взыграло самолюбие. Ему захотелось делать упражнения лучше, чем требовал Учитель, хотелось, чтобы он удивился его умению. Некоторое время восточник поддерживал это настроение, потом

вдруг навалил дополнительные тренировки, да так, что мальчик сразу понял: пределов тому, что они изучают, нет. Совершенства не существует.

Уразумев эту нехитрую истину, мальчик открыл для себя, что, сосредоточившись на каком-то одном упражнении, упускает другие, причем самые простые. Например, он никак не мог обогнать зайца, а когда все-таки научился догонять и хватать зверька за уши, стал проигрывать Учителю в беге на длинные дистанции. Как-то вечером Учитель сказал, что он неправильно расходует жизненную силу после десятой мили, но как расходовать ее правильно, объяснить не стал, вероятно, полагал, что мальчик должен выработать это ощущение самостоятельно.

И еще он плохо переносил воду. Тот жар, из которого он вышел, был несовместим с водой. Особенно тяжело ему приходилось после двух часов пребывания под водой – мышцы деревенели, координация разбалтывалась, дыхание, заторможенное для «бесшумного» вдоха и выдоха через тростинку, подводило, когда следовало сразу напасть на Учителя или бежать по горам...

Чуть позже ему никак не удавалось справиться с высотой. Бегать по веревке он научился легко и уверенно. Но когда Учитель смазал шнур, и без того сплетенный из скользкого женского волоса, конопляным маслом, он без страховки не мог сделать на нем простой шпагат.

К тому времени он ходил уже не над рекой, в которую, как оказалось, даже на мелководье можно было падать с любой высоты, а над деревьями. Вся сложность этой тренировки заключалась в понимании ветра и, конечно, в технике блокировок при падении на ветки... А едва он научился не бояться предательского скольжения под ногами, Учитель вдруг начал ослаблять шнур. Пока он был натянут как струна, мальчик всегда мог схватиться за него, если срывался, но поймать свободно болтающуюся, ненадежную, как сам ветер, опору стало невозможно. Как-то, несколько раз подряд довольно жестоко разбившись о ветки, он начал спорить:

– Учитель, я всегда буду натягивать веревку сам. Больше я никому не доверю этого... Зачем мне учиться на провисшей веревке, если я умею неплохо ходить по натянутой?

– Неплохо? – удивился Учитель, даже не подняв брови. – На прошлой неделе я видел, как ты потерял равновесие и вынужден был мечом сделать отмашку, чтобы не свалиться.

– Но я удержался! – решил упорствовать мальчик. – Кроме того, меня сбил ветер. На такой высоте его никто не способен предвидеть.

Ветер в горах гулял как получится, и его действительно невозможно было угадать. Поэтому в последнее время, чтобы не делать штрафных упражнений, он разработал, как ему казалось, безупречную технику – при «потере пространства» он выхватывал меч, выносил его против падения и энергичным выпадом возвращал равновесие.

Правда, возникала сложность... Если отмашка не помогала, за время падения на деревья нужно было не только выбрать самое «мягкое» дерево, не только «собраться» для удара о ветки, но и вогнать меч в ножны, потому что потерю оружия он и сам себе не простил бы.

– Мастер способен предвидеть любой ветер при любой погоде. Или ты надеешься, что тебе позволят перебраться, например, через замковый ров безветренным солнечным утром? – В уголках глаз Учителя появились лучики тщательно скрываемой улыбки. – Открою тебе самую кошмарную тайну нашего ремесла – сколько ни занимаешься этим делом, всегда оказывается неподходящая погода.

«Неподходящей погодой» скорее всего называлась ночная буря с градом и ураганным ветром. Насладившись эффектом, Учитель продолжил:

– К тому же я все жду, когда ты потеряешь меч. Уж тогда-то я отыграюсь за все твои... изобретения.

– Ты разрешил действовать так, как мне удобно.

Учитель уже не улыбался, всем видом он демонстрировал недоумение. Но приказывать напрямую не решился, иначе как же тогда понимать его уроки упорства и стойкости?

– Я тысячу раз говорил – так не делают.

– Если так никто не делал до меня, это не значит, что так вообще нельзя делать. Может быть, я развиваю наше искусство.

Это уже вызов. Учитель всегда считал и не раз давал мальчику понять, что оба они – жалкие недоучки, которым достались лишь крохи изысканного боевого искусства седой старины, изобретенного еще Лотаром Желтоголовым, Великим и Непобедимым Устранителем Зла, основателем Белого Ордена...

– Что? – Наконец-то Учитель позволил себе выразить удивление. Это плохо, очень плохо, сейчас что-то будет. – Тогда марш на веревку, но предупреждаю, я сделаю ее «живой». Раз ты такой «мастер», я не буду изобретать очень уж сложное колдовство, но... В общем, вперед!

– Колдовство – против правил, – мальчик действительно побаивался. То, как ведет себя намавленная и прославленная веревка – суцая мостовая по сравнению с тем, как она начинает дергаться, если ее начинить оживляющей магией. – Ты сам говорил, что приемы магического боя начнешь применять, когда я получу хотя бы белый пояс по контрмагии.

– Хорошо, считай, ты только что получил его. Марш наверх!

Оставалось только проклинать свой несдержанный язык и бежать наверх. Разумеется, пройти по «живой» веревке не удалось. Мальчик не решился делать отмашку мечом, все равно это было бесполезно. А если судить по тому, что он так и не сумел сосредоточиться для контрзаклинаний, белый пояс ему присудили чрезмерным авансом...

Но это все были цветочки. Настоящая мука пошла, когда начались «серьезные» упражнения с мечом. Собственно, как сказал Учитель, постигнуть меч до конца невозможно. Но он как-то высказался, что питает надежду, может быть несбыточную, что мальчик хотя бы изредка научится ощущать его «своим» оружием, не больше. К тому же левая рука у мальчика отставала от правой, что для фехтовальщика было непростительным недостатком, с которым и мечником называться невозможно.

Лишь на седьмой год мальчику удалось срубить с головы Учителя специальным образом заплетенную косичку, да и то возникло впечатление, что восточник поддался, просто позволил это сделать... Может быть, потому что бились они к тому моменту уже около суток, завершая третью тысячу схваток.

Едва он полюбил фехтование, Учитель принялся извлекать из старого сундука, стоявшего у них в самом темном углу пещеры, изящные, остроумные и неожиданные виды оружия, которые и на оружие-то были не похожи – непосвященный мог принять их за какие-нибудь приборы или материальные воплощения колдовской фантазии.

Одолеевая приемы работы с этими инструментами, мальчик стал так фантазировать, что опять вызвал упрек, мол, слишком все переусложняет, что победы следует добиваться самым простым и коротким путем. Как и в поединке без оружия...

Но тут все вообще получалось очень сложно. Почему-то мальчику не давались основные вещи, – например, ощущение незакрытой зоны противника или соблюдение всем телом волнообразного принципа удара. Этот старый принцип гласил: если бьешь рукой, волна должна начинаться от подошвы, прокатываться по ногам, получать силу бедер и хлыстом уходить через плечи в кулак... А если удар наносится ногой, то лучше всего прицелиться и начать движение ладонью, плечами, а потом, по нисходящей, усиливая, довести волну до ноги. Но твоя скорость, чтобы противник не ушел от этого довольно заметного движения, должна опережать даже вражеский блок...

Кроме того, он плохо защищался снизу, то есть пропускал даже не очень изобретательные низовые атаки. Когда Учителю это надоело, он сказал с иронией, которая действовала куда сильнее, чем окрик или приказ:

– Считай, что ног у тебя нет. Ты не заметишь даже деревенского гуся, пока не наступишь на него. – Пожав плечами, он, впрочем, добавил: – Ладно, пока будем считать это заносчивостью – желторотикам свойственно задирать нос.

Стоило мальчику немного воспрянуть в бою без оружия, как начались осложнения с языками. Учитель говорил на двух дюжинах новых и старых языков, причем мальчик ни разу не уловил того напряжения, которое возникает у человека, если он не думает на языке, на котором говорит, а мысленно переводит с одного на другой.

Но до таких высот ученику, конечно, подняться было не суждено. Он учил, кроме даского, дериб, фойского и вендийского, всего-то северный койн и два языка Империи, и то в голове стоял гул от множества зазубренных слов, которые совсем не хотели из своего звукового или письменного вида переходить в понятия, обретая только им присущий смысл.

В общем, с языками он тоже так и не справился. Они просто отошли на второй план, когда Учитель навалил вдруг на него труднейшую науку врачевания. Причем, как всегда, считалось, что учились они не слишком, потому что это искусство, как и поединок, невозможно было постигнуть в удовлетворительной мере, не занимаясь им всю жизнь. Учитель показывал и объяснял только то, что полагалось знать воину.

От медицины они перешли, по словам Учителя, довольно плавно – хотя, в чем он видел плавность, осталось для мальчика загадкой – к травной и заклинательной магиям. А эти дисциплины немислимым образом оказались связаны с историей дворянских родов всех четырех континентов Империи, искусством политики, телепатией, гаданием, музыкой и многим другим, что Учитель как-то, задумавшись, назвал «начальным образованием».

Поразмышляв в течение пары месяцев над этой оговоркой, мальчик как-то пришел к Учителю и высказался, что, мол, как ему ни жаль, он слишком туп, чтобы выучить то, что ему полагается знать. Поэтому не будут ли время и усилия Учителя тратиться более разумно, если он отыщет себе другого, более способного ученика? А он тем временем займется примитивной, например охотничьей, жизнью, раз уж не способен к подлинной просвещенности...

Даже не улыбнувшись, Учитель ответил, что поучать Учителя может только нерадивец, не достойный воинского обучения. Но пока он, Учитель, его прощает, потому что просто не знает, где взять другого ученика. И мальчик, конечно, умолк. С этой истиной он вынужден был считаться.

Глава 3

Зимы сменялись веснами, а лета превращались в зимы. В холодных и пустынных высоких землях смены времен года были не очень заметны. Только водопад, под которым Учитель заставлял мальчика привыкать к пытке падающей водой, становился чуть теплее или холоднее.

Жили они отчужденно. Только два крестьянина приносили еду да одна молодая женщина приходила постирать и починить пропотевшую от бесконечных тренировок одежду. Она рвалась часто, кимоно начинали просвечивать уже через считанные недели – так много они двигались и такой бешеный напор энергии бил из них. Женщина приносила им и жесткие сапожки или мягкие кожаные мокасины с раздвоенным для большого пальца носком.

Крестьяне смотрели на них с недоумением, которое часто сменялось суеверным страхом, хотя в те часы, когда около пещеры появлялись эти люди, мальчик занимался только самыми легкими упражнениями или вовсе читал книги. Разумеется, крестьянам хорошо платили, поэтому известие о паре отшельников вряд ли передавалось дальше ближайшей деревни. Каким образом Учитель сделал так, что больше никто из местных жителей не появлялся у пещеры, мальчик не знал – слишком много для этого было способов.

А раз в полгода владетель мастерской по переписке книг, который жил на побережье и знался, наверное, с книжниками всей Империи, нанимал охранников, садился на медлительного мула, брал книги, которые Учитель заказал в прошлый визит, и приезжал к ним в гости.

Переписчика этого мальчик никогда не видел, в дни его приездов Учитель всегда отсылал ученика в горы. О нем самом, его возрасте, муле и его охране – не очень-то толковой, судя по поведению этих честных слуг своего господина, – мальчик узнавал по следам.

Дни его приездов были известны заранее. Вот почему они оба удивились, когда однажды у них появился белый как лунь старик, в котором безошибочно узнавался некогда хорошо тренированный кулачный боец, приехавший на муле с подковами, хорошо знакомыми мальчику по визитам книжника. Только на этот раз он не оставил своих телохранителей в двух милях позади, а позволил им войти на площадку перед пещерой, что было равносильно настоящему вторжению.

Болтая о каких-то пустяках, книжник взял Учителя под руку и увел к водопаду, чтобы никто не мог их подслушать. Мальчику очень мешали три человека, занятые готовкой пищи в дальнем углу площадки, но делать было нечего. Поэтому, стараясь не обращать на них внимания, он сел на камень, на котором когда-то родился, и принялся слушать...

Собственно, к подслушиванию это не имело никакого отношения. Но это не было и телепатией, потому что два таких опытных человека, как Учитель и книжник, почувствовали бы ее раньше, чем он успел как следует настроиться на прием.

Он прочитал подходящую мантру и представил, что стоит в десяти футах от Учителя. Сложность была в следующем – если бы он перестарался, его силуэт стал бы виден. И тогда возникала возможность противодействия – например, Учитель мог и мечом ударить, главным образом, конечно, за нечисто выполненное упражнение. Мальчика это не убило бы, но болевой шок на несколько дней вывел бы его из режима усиленных тренировок.

И, настроившись на подслушивание, он непременно пропустил бы этот удар, потому что подслушивать и видеть на таком расстоянии мальчик еще не умел. Вернее, умел, конечно, но это потребовало бы такого расхода энергии, что восстанавливаться пришлось бы не один день, а на этот раз он почему-то решил оставаться свежим, как водопад.

Оба собеседника говорили на квантуме – государственном языке северной части Империи, поэтому он хорошо понимал их.

– Может быть, теперь имеет смысл обсудить то, что привело тебя сюда, мастер Приам? – Это был голос Учителя, но интонации показались мальчику не совсем привычными.

– Ты уверен, что здесь безопасно, мастер Султунар?

– Мы бы почувствовали любое вмешательство, особенно издалека, разве не так?

Верно, решил мальчик, на большом расстоянии труднее рассчитать энергию мнимого присутствия и, следовательно, гораздо легче попасться.

– Тогда я сразу скажу о том, из-за чего приехал. – Книжник замолчал, а мальчик решил было, что они поставили какую-то невиданную защиту... Но нет, они находились рядом, при желании можно было ощутить их мышление и изумительно тренированную безэмоциональность. – Они напали на след.

– Кто принес эти сведения?

– Они выслали охотников за вашими жизнями, Султунар. Никакие проверки достоверности этого сообщения не нужны.

– Они не могут знать о нас, – Учитель помолчал. – Может быть, охотники вышли не за нами?

– Мы захватили шпиона Империи... Глубокий зондаж показал ваши приметы.

– Эти... Этими охотниками являются только люди?

Приам впал в угрюмое молчание. Он даже не думал о том, как ответить. Он просто не хотел говорить то, что было уже ясно.

– Неужели саджи?

– Сам знаешь, любой заказ саджам стоит целое состояние, поэтому им сообщили только о тебе. Мальчишку они не боятся.

Мальчик, конечно, Учителя не видел, но его интонации знал так хорошо, что это ему было и не нужно. Учитель усмехнулся и ответил:

– Зря.

Это коротенькое словечко стоило любых самых красноречивых словесных конструкций. Мальчик смешался, и контакт с мастерами был утрачен. Когда удалось его восстановить, разговор все еще шел о нем.

– Кстати, как ты его называешь?

– Когда я его нашел и выкупил, мать называла его Тролом. Он был обыкновенным деревенским дурачком, на которого все махнули рукой. Когда я провел его через перерождение на камне, он стал другим человеком... И я не могу называть его прежним именем. Когда это необходимо, я называю его Возрожденным. Он ведь возродился в магии огня.

– Да, понимаю... Но это прозвище неоднозначно, оно должно иметь под собой основание.

– Другой смысл я тоже учитываю. – Учитель помолчал, потом заговорил странным, очень спокойным тоном: – Знаешь, Приам, я не знаю, что ты подразумеваешь под основанием, но... Он совсем не такой, каким все его представляют. Вы, да и враги, вероятно, думаете, что найдете неженку и бездельника. А встретит вас мастер. Этот обмен мнениями Трол Возрожденный не очень хорошо понял, но немедленное понимание и не было его целью.

– Это... высокое слово, Султунар. Он действительно так хорош?

– Он еще лучше, Приам.

– Чепуха! Мастерами в пятнадцать лет не становятся.

Учитель терялся, когда в его словах сомневались, поэтому ответил не сразу.

– Ты можешь убедиться. Я разрешаю.

– Мне не хотелось бы травмировать его.

– Думаю, ты этого не сумеешь. Он гораздо крепче, чем кажется.

– Ты не смеешься надо мной? В конце концов, прошло всего лишь десять лет, когда...

– Идет одиннадцатый год, мастер Приам, как я взялся за его перерождение и обучение. И все-таки, несмотря на столь малый срок, он умеет делать все, что может делать обычный Белый воин. – Учитель повернулся к потоку. Чтобы сказать что-то важное, нужно смотреть на что-нибудь очень красивое. – И по-прежнему пределов его способностям не видно. Иногда мне кажется, если бы не моя любовь к нему, я бы давно признал в нем...

Самого интересного, как всегда, Возрожденный не понял! Учитель имел в виду нечто очень важное, старинное, даже, пожалуй, священное. Но слово не прозвучало, Учитель его только подумал, а Трол не был готов читать ментальный план так же легко, как слышать произносимые слова.

Но Приам, разумеется, все понял. И хмыкнул.

– За две тысячи лет, пока существует Орден, более двадцати раз было объявлено, что Он пришел. И все двадцать раз приходилось, как тебе известно, признаваться в ошибке. Поэтому я позволю себе усомниться.

– Магистр Его Ордена сомневается в Его возвращении в этот мир?

Учитель стал излучать такое веселье, что Возрожденный засомневался, правильно ли ловит их настроения.

– Я не сомневаюсь в Его приходе. Просто не верю, что Он зайвится в ближайшее время.

– Но в предсказании говорится, что именно тогда, когда Его ждут меньше всего, в самые трудные времена, когда сумерки опустятся на Землю, появится Тот, который... – И Учитель перешел на какой-то очень древний язык, который не вызывал у Возрожденного даже предположений о значениях слов.

Трола отвлек один из воинов. Ему что-то потребовалось для готовки. Возрожденный отвел его в пещеру, показал полку, на которой стояли коробки с пряностями, и скорее вернулся к обрыву, чтобы слушать дальше.

На этот раз разговор шел на дериб. Учитель говорил:

– После того как он станет Воином, я сделаю его Стратегом. Потом, если никто нам не помешает – говорю как о врагах, так и о друзьях, – мне хотелось бы преподавать ему науку Знающего. А потом я сделал бы его...

– Остановись, Султунар! Даже если поверить твоим рассказам о его способностях, и тогда получается, что вам нужно еще лет тридцать.

– В столь малый срок можно не успеть, мастер Приам. Мне бы хотелось, чтобы ты как следует объяснил это проконсулу Ордена.

– Малый срок? – Приам едва скрывал свое раздражение. – Тридцать лет ты называешь малым сроком, мастер Султунар?

– Это малый срок для выбранного мной обучения, Приам.

– А ты можешь представить, насколько сильнее станут наши враги за эти тридцать лет? Ты представляешь, сколько людей погибнет, заплатив жизнями за ваше спокойствие и хотя бы относительную безопасность?

– Я не представляю, да и не собираюсь подсчитывать потери за эти тридцать лет. Потому что мне выпала более сложная и важная задача.

Приам вздохнул. Для воина его класса это было откровенным признаком низкой ярости. – Ты говоришь, у тебя есть подозрения, что Трол – это Он. Предположим, только предположим, что я могу допустить это. Тогда я сделаю следующий шаг – соглашусь, что воспитывать Его более сложная задача, чем все, что делаем мы, находясь на дальних подступах к вашей пещере. Но если это не Он? Что ты почувствуешь, если сорок лет, считая уже проведенные тут, будут потрачены зря? И если окажется, что ты – с твоим умом и искусством – отсиживался в глуши с мальчишкой, который даже не способен представить себе...

– Не нужно так говорить.

Возрожденный никогда не думал, что Учитель может прошептать слова с таким гневом. Впрочем, еще не растаял в воздухе последний звук, а Учитель уже был спокоен. Как ни в чем не бывало он произнес:

– Представь себя в противоположной ситуации. Что скажут, если выяснится, что у нас была возможность разом, в течение одного поколения разрушить Империю, а мы, вместо того чтобы готовить, как ты выразился, этого мальчишку, бросили его неподготовленным на решение пусть тяжелых и кровавых, но частных, незначительных задач? Что ты почувствуешь, если выяснится, что Трол пусть даже не Он, но что он мог намного больше, чем сделаться одним из рубак, которых так легко нанять за деньги, или купить за власть, или просто завербовать, потому что Империя наплодила толпы ненавидящих ее людей и драться с ней будет чуть не каждый, если ему подсказать, где достать оружие? Мне жаль, мастер Приам, но ты забываешь – мерой любого искусства является эффективность. Это относится к войне, это же относится к человеку.

Приам изменил тактику.

– Ты прав, как всегда, Султунар. Если бы все зависело от меня, ты получил бы столько времени, сколько считаешь нужным. К сожалению, решение зависит не от нас, но я надеюсь, что сумею представить проконсулу твои соображения в наилучшем виде.

– Я рад, мастер. Мы всегда понимали друг друга.

– Но теперь, мастер Султунар, испытание необходимо. Когда твой подопечный будет в лучшей форме для небольшого приключения?

– Он всегда в форме.

Книжник улыбнулся. Он был доволен. Теперь он получил право делать с Возрожденным все, что угодно.

– Тогда я попробую после обеда. Знаешь, на сытый желудок даже опытным бойцам случалось...

– Правильно. Испытывать – значит все делать неожиданно, – ответил Учитель. Он опять усмехался, только теперь книжник этого не чувствовал.

– И последнее. – Приам был готов приказывать, это угадывалось по тону. – Я предполагаю, у вас есть еще несколько недель, скажем, около двух месяцев. Хотя им известно, где вы приблизительно находитесь, они вряд ли смогут действовать в Зимногорье с такой же непринужденностью, как, например, в Мартогене. Это все-таки не союзный порт с подкупленной администрацией, а независимое и враждебно настроенное княжество. Но безопасней убраться отсюда в пределах указанного срока – так им будет труднее взять след, когда они снова пустятся за вами.

– А саджи? – спросил Учитель.

– Феи-убийцы охотно соглашаются уничтожать людей, если им платят, но живут в таком странном месте, что наш мир совершенно чужд им. Чтобы они исполнили договор, любую из них следует подвести к месту и указать на выбранного человека. Сами они плохо ищут. – Приам убрал из своего сознания какое-то мелькнувшее ненароком воспоминание и договорил: – Если бы от имперских ищеек было так же просто удрать, как от саджей, я спал бы спокойно.

– И куда теперь нас отправит Орден?

– Что ты скажешь о Западном континенте? Много диких уголков, отличная охота...

Наверное, Учитель поморщился, он не любил охоту.

Теперь Тролу не следовало подслушивать, потому что главное он знал. Книжник принимал его за ребенка с едва прорезавшимися зубами. Что ж, одно из высоких правил боя гласит: создай у противника представление о легкой победе, и он наполовину мертв.

От того, как он справится с испытанием, зависела убежденность Приама в правоте Учителя. А она определяла интонацию, с какой книжник будет говорить с неизвестным,

но, по-видимому, могущественным проконсулом. Тролу предстояло биться за Учителя, что могло быть лучше?

Глава 4

Во время обеда он съел ровно столько, сколько было необходимо. Один из телохранителей Приама приготовил действительно царское угощение и, фальшиво улыбаясь, все время пытался подложить Возрожденному самые лакомые кусочки.

Когда пришла пора убирать почти не тронутую еду, Приам раздраженно подумал, что его слуги должны были приготовить для Возрожденного что-то более привычное. Трол прочитал это в сознании книжника с такой легкостью, что тут же решил: «Он передает мне свое настроение, добываясь какой-то цели».

Но потом понял, что мастер Приам очень давно не сталкивался с достойным противником, слишком открыт и не готов учитывать тонкие планы Воина. Трол расстроился. Потому что некогда книжник был мастером – достойным противником кому бы то ни было, даже Учителю.

Потом книжник стал объяснять, что нужно делать, и Возрожденный едва смог скрыть разочарование. Оказалось, нужно незаметно пробраться в одну из деревень, в которую они очень редко заглядывали, украсть у хозяина трактира какую-нибудь часть одежды, вернуться и положить эту вещь на камень перед входом в пещеру. Трое громил книжника должны были помешать ему. Оружия Тролу никакого не полагалось, и вернуться он должен был до заката солнца.

Для начала книжник обработал Возрожденного пытательной палочкой с острыми насечками, чтобы он не был слишком свежим. На его телохранителей эта имитация пытки произвела большое впечатление. Один из них, пожилой повар, который спрашивал Трола о пряностях, даже отошел подальше, чтобы ничего не видеть. А Тролу, хотя в это трудно поверить, хотелось смеяться.

Вот когда Учитель тренировал его на сопротивляемость боли, а такие уроки случались не реже чем раз в три-четыре дня, чтобы не исчезало ощущение легкого жара на коже, или когда Учитель отрабатывал на нем приемы болевого иглоукалывания, чтобы повысить устойчивость психики к некоторым видам гипноза, Возрожденному действительно доставалось...

И лишь когда все уже почти кончилось, он сообразил, что лучше бы ему так не думать – книжник, вероятно, не столько проверял болью его выносливость, сколько тонко и искусно снижал внушением его тонус, воспользовавшись тем, что гипнотический массаж был Тролу незнаком.

Трол попробовал было сбить внушенную склонность к поражению, но быстро понял, что избавиться от нее до вечера не успеет. Коварный книжник рассчитал все совершенно правильно. Теперь оставалось только использовать этот маленький проигрыш, изображая желание сдаться на первом же серьезном препятствии. Он так и сделал... Тогда книжник сделал несколько действительно удачных движений, и болевой шок в слабой форме все-таки закрепостил его мышцы и сознание. Потом мастер Приам отошел в сторону и приказал слугам схватить Возрожденного.

Но прежде чем они сообразили, что следует делать, Трол был уже на ногах. Одежда лежала рядом, туфли на мягкой кожаной подошве он заранее завернул в ткань. В общем, он готов был отправиться в путь.

Немного кружилась голова, и внушение старого мастера ощущалось как прозрачная, но яркая дымка, застилающая зрение, но в остальном он был в норме... Самый молодой из наемников оценил это замешательство как неспособность Возрожденного к серьезному сопротивлению, бросился вперед, чтобы сразу свалить его на землю. Трол резко поднял темп восприятия. Движения бегущего человека стали замедляться...

Он не питал к этим людям неприязни, но они могли помешать ему на обратном пути, и он решил избавиться от одного из них. Дождавшись, когда молодой охранник окажется совсем рядом, Возрожденный подался вперед и чуть наклонился, чтобы от его плеча до опорной ноги подбегающего противника осталось лишь несколько дюймов. Потом он захватил ногу и выпрямился; получилось что-то похожее на «мельницу». Сделал он это, пожалуй, резковато – молодой воин так врезался головой в землю, что его даже не понадобилось выключать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.